

HISTORY OF ANTIQUE ARMS

**Researches
2016 Vol. I**

Institute of History of Ukraine NASU
National Museum of History of Ukraine
National Museum of Military History of Ukraine

HISTORY OF ANTIQUE ARMS

RESEARCHES 2016

Volume I

KYIV
2017

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВООРУЖЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В КОНЦЕ XIV–XV вв.

Юрий Бохан

Аннотация

УДК 94(474.5)«653»; 903.22

В конце XIV–нач. XV ст. в вооружении войска Великого княжества Литовского восточнославянская воинская традиция уступила западноевропейским влияниям. Эту тенденцию можно проследить с помощью вещественных, письменных и изобразительных источников. Большинство археологических находок предметов вооружения датирована не точно. Информация, полученная при изучении письменных и визуальных источников, однако, позволяет отнести значительную часть этого материала к XIV–XV вв. и подтвердить доминирование западноевропейской военной традиции. Они же указывают на значительный импорт предметов вооружения из Польши, которым, в значительной степени, определялся характер вооружения армии Великого княжества Литовского в целом.

Ключевые слова: вооружение, Великое княжество Литовское, вещественные, изобразительные и письменные источники, лямелярный доспех, платы, сфероконический шлем, бацинет, салат, кираса, корд, тесак, сабля, арбалет, щит, перевооружение.

Abstract

Yury Bokhan

UDC 94(474.5)«653»; 903.22

TO QUESTION THE FEATURES OF ARMAMENTS OF BELARUSIAN LANDS OF GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE END OF 14–15th CENTURIES

There were major changes in the military arsenal at Belarusian lands of the Grand Duchy of Lithuania at the end of 14th–15th centuries. Eastern traditions were gradually replaced by Western European influences. This is evidenced by archaeological, visual and written sources. Most of archaeological finds of weapons do not have the exact dates. However, according to written and visual sources it can be dated by 14th–15th centuries. The western influences on Belarusian armaments can be seen on pictorial and written sources. They show a massive importation of arms from Poland. The weak security forces under arms of the Grand Duchy of Lithuania imported largely weapons and this determined the nature of their weapons in general.

Keywords: Arms, Grand Duchy of Lithuania, visual and written sources, lamellar armor, coat of plates, spheroconical point helmet, bascinet, sallet, breastplate, Hauswehr, grosses Messer, saber, crossbow, shield, rearmament.

Период конца XIV–XV вв. является в развитии материальной части армии Великого княжества Литовского достаточно специфическим этапом. Если в предшествующее время можно говорить, с определенными поправками, о несомненных связях воинской традиции белорусских земель с восточнославянским регионом в целом, то к началу XVI в. подобное восточнославянское «единство» военной традиции уходит в небытие. Различия

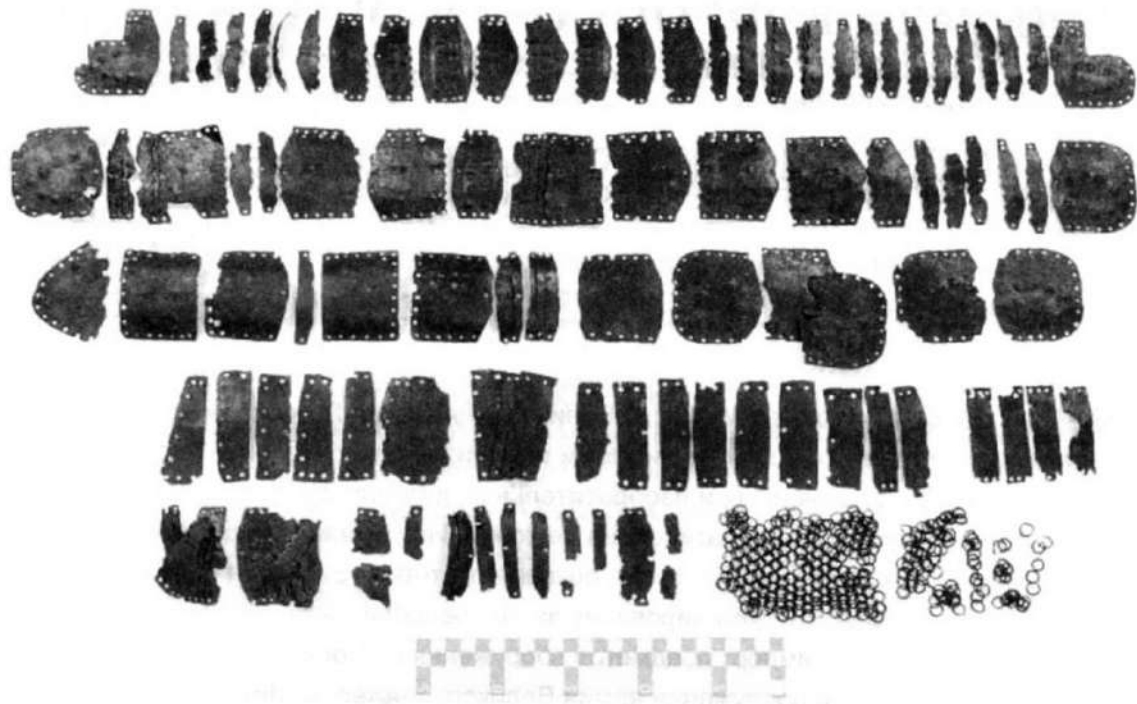

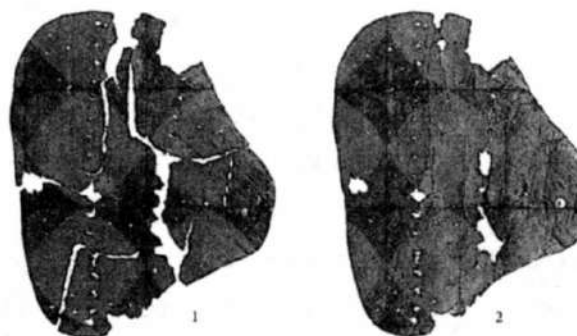
Рис. 1. Пластинки ламеллярного доспеха из Нижнего замка Вильно (по П.Бугису).

в комплексе вооружения «западнорусских» земель, объединившихся в составе Великого княжества Литовского и восточнорусских территорий, оказавшихся под влиянием Москвы, прослеживаются в это время весьма четко. В Великом княжестве Литовском прочно закрепилось представление о типично «московских» видах вооружения. При этом они часто воспринимались как несомненно «не наши», отличные от «здешних», даже тогда, когда они волей судьбы попадали, правда достаточно редко, в арсеналы белорусских и литовских феодалов. Так, например, встречаются упоминания о «московских» шлемах, зеркалах, бутурлыках, тегиялях и других видах ориентального вооружения.¹ Для сравнения: практически никогда в документах ВКЛ XVI в. не указывается происхождение (немецкое, итальянское, польское) западного защитного вооружения, хотя, по косвенным сведениям, можно догадаться, что оно поставлялось сюда и из Германии, и из Италии, и из Польши. Исключение составляет конское снаряжение, в отношении которого точно обозначается не только восточное (московское, турецкое, татарское), но и западное (итальянское, немецкое) происхождение (Акты Брестского, 1870, с. 281-282; Инвентари имений, 1887, с. 264, 273).²

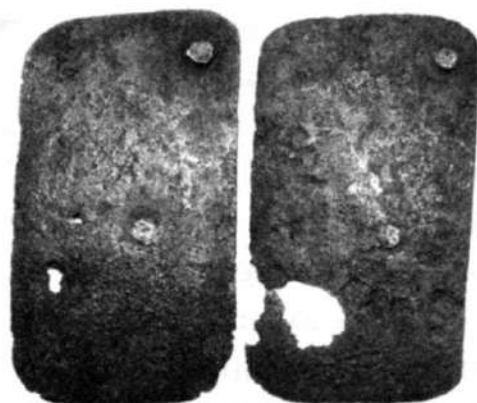
1 См. также: НИАБ. – КМФ-18. – Оп.1. – № 223. – Л.161; НИАБ. – КМФ-5. – Оп.1. – №2483. – А.10; AGAD. – AR. – Dz.XXVI. – Nr.2., К.30.

2 См. также: НИАБ. – КМФ-18. – Оп.1. – № 223. – Л.153 (161), 163 (156), 170 (163); AGAD. – AR. – Dz. XXVI. – Nr.2., К.1.

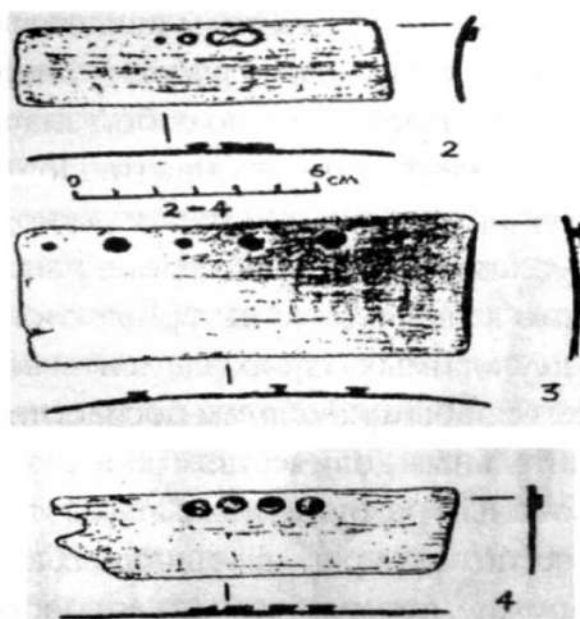
Стоит при этом отметить, что подобное явление стало результатом не только разрыва ВКЛ с традицией «древнерусского» времени. Вероятно, что, как минимум, в такой же самой степени оно обуславливалась и изменением милитарных вкусов на востоке Руси. Правда, если в ВКЛ это изменение происходило в направлении вестернизации, то в Московском государстве – в направлении ориентализации. Отличия в материально-техническом обеспечении войска Великого княжества Литовского по сравнению с его восточным соседом достаточно четко иллюстрируют многочисленные письменные источники XVI в. Однако, к сожалению, в отношении конца XIV – XV в. письменных источников гораздо меньше. Поэтому большее значение приобретают источники вещественные, которые не всегда имеют точную стратиграфическую привязку. Исходя из этого неясно, употреблялось на белорусских землях западноевропейское вооружение в то же время, что и в странах Запада, либо значительно позже. Точно также и те модели вооружения, которые традиционно связываются с древнерусским временем, потенциально могли бытовать до конца XIV и даже XV в., что в теории продлевает век «русской» военной традиции в ВКЛ. Подобные оценки состояния материально-технического обеспечения армии ВКЛ в конце XIV – XV в. были озвучены на конференции «Великое княжество Литовское: политика, экономика, культура» (ноябрь 2015 г.).

Рис. 2. Шинные наручи из Нижнего замка Вильно (по П. Блажевичусу и П. Бугису).

Рис. 3. Пластинки доспеха на основе из Гродно.

Рис. 4. Пластинки крытого доспеха из Луцка (по С. Терському).

Это заставляет еще раз вернуться к проблеме источниковой базы, лежащей в основе оценок состояния материальной части войска Великого княжества Литовского в период от заключения Кревской унии 1385 г. и до конца XV в.

Как представляется, упомянутые скептические оценки степени проникновения западноевропейских инноваций на белорусские земли ВКЛ, не имеют серьезных оснований, хоть они вполне объяснимы с точки зрения желания внести свежую струю в исследование проблемы. Источников, которые четко свидетельствуют об изменениях в материальной части войска ВКЛ в течение XV в., более чем достаточно. Начать следует с вещественных источников. На белорусских, литовских и украинских землях обнаружено значительное количество оружия, характерного для западноевропейской традиции той поры. С каждым годом подобных находок становится все больше, в том числе на территории украинских земель ВКЛ, где, казалось бы, древнерусская войсковая традиция должна была быть особенно сильна, а влияние Великой степи особенно велико. К сожалению, большинство найденного вооружения XIV–XV вв. не имеет четкой хронологической привязки. Однако, это выглядит вполне естественным: захоронения с богатым инвентарем, характерные для раннего средневековья, встречаются в XV в. только на языческих землях Литвы. Для большинства территории Беларуси (и Украины) они несвойственны. При этом не надо забывать, что язычниками в XV в. оставались преимущественно только незнатные балты, обладавшие не самым передовым оружием. Знать в большинстве случаев приняла христианство, что должно было отразиться и на оскудении погребального инвентаря.

Вполне объяснимым является и недостаток точно датированных элементов вооружения в культурных слоях населенных пунктов. Во-первых, оружие представляло собой значительную ценность, которую старались не терять, а потеряв, найти. Поэтому оружие чаще всего находят там, где подобрать его было невозможно, например, в водоемах. Во-вторых, белорусские археологи во время раскопок населенных пунктов вообще с трудом «выделяют» культурные слои XIV–XV вв. Соответственно найти в этих «неуловимых» слоях элементы вооружения также очень непросто. Но, даже если бы археологам посчастливилось найти закрытый комплекс со значительным количеством вооружения, связанный с каким-то определенным военным разрушением, это вовсе не сняло бы все возможные вопросы. Известно, что в ряде феодальных арсеналов веками сохранялось устаревшее оружие, потерявшее актуальность и давно не использовавшееся по назначению. В Несвижском замке снаряжение XV–XVI в. сохранялся вплоть до XX в. Если бы так случилось, что замок был бы разрушен, например, во

Рис. 5. Салад, найденный в р. Вихра в Мстиславле.

время Северной войны, то это снаряжение во время раскопок было бы обнаружено в слоях XVIII в. Это вовсе не давало бы археологам право говорить о длительном использовании радзивилловской милицией подобного архаичного вооружения. Таким образом, при датировании археологического материала с земель ВКЛ следует учитывать и общие тенденции развития военного дела в центрально и восточноевропейском регионе, межгосударственные контакты, источники снабжения армии снаряжением и т.д.

Отмечая присутствие в вещевом материале с территории Беларуси (и бывшего ВКЛ в целом) вооружения, характерного для западноевропейской практики конца XIV–XV в., нельзя не заметить отсутствия здесь четких свидетельств позднего бытования определяющих моделей, характерных именно и только для восточнославянских земель «древнерусского» времени. Свойственные для «русского» периода ламеллярные доспехи практически не представлены. Единственным исключением является находка значительного количества пластинок в Вильнюсе. Однако эта находка имеет конкретную датировку – военные катаклизмы и пожар начала 90-х гг. XIV в., то есть время, когда массовое влияние на земли ВКЛ западноевропейской военной традиции через Польшу еще не началось (Бугис, 2008). В то же время в слоях Виленского Нижнего замка второй половины XIV в. найден и элемент несомненно западного, по своему типу, защитного вооружения – шинный наруч, представляющий собой металлические полосы, приклепанные к кожаной основе, защищающей предплечье (Blaževičius & Bugys, 2013). Там же найден экземпляр клинкового оружия западного ти-

Рис. 6. Нагрудник кирасы, найденный в р.Вихра в Мстиславле.

па – т.н. «Hauswehr» (Бугис, 2012). Таким образом, материал Виленского Нижнего замка свидетельствует, что уже во второй половине XIV в. здесь имело место сосуществование традиционного «русского» и западноевропейского вооружения.

Отмечая бытование в ВКЛ еще в конце XIV в. традиционных лямелярных доспехов, следует отметить, что значительно более многочисленными находками XIV-XV вв. являются пластинки доспехов «на основе» – «платов». Некоторые из них, как можно полагать, крепились поверх основы (пластинки из Гродно и Зеленой Липы (Украина)). Подобная система крепления пластин, по мнению Ч. Фолкса, была известна в Западной Европе, хотя и не была там очень популярной (Фолкс, 2005, с.66). Гораздо большую популярность получила практика крепления пластинок изнутри основы. Об бытовании в ВКЛ подобных «крытых» доспехов свидетельствуют пластинки, найденные в Луцке (Волынь) и Сокильцах (Винницкая обл.). Пластинки «крытых» доспехов, найдены, рядом с пластинками, что крепились поверх основы, и в Зеленой Липе. И, наконец, характер крепления некоторых пластинок определить сложно (Вильнюс, Студенка (Борисовский р-н) и Брацлав (Винницкая обл.)) (Трусаў, Собаль, Здановіч, 1993, с. 60; Пивоваров, 2002, с. 79, рис. 29:1, с.93, рис. 32:11-12; Виногородська, 2006, с. 78-79, 83-83; Терський, 2006, с. 182, рис.155: 2-4; Klimaviciene, 1989).

Обратимся к такому репрезентативному виду защитного вооружения, как шлемы. Здесь также мы не найдем среди вещевого материала конца XIV –XV в. свидетельств четкого доминирования «русских» традиций. Прав-

Рис. 7-8. Бармицы бацинета из собраний князей Радзивиллов в Несвиже (хранятся в Метрополитен музее в Нью-Йорке).

да, с этим периодом можно связать два ориентальные наголовья, найденные на белорусских землях ВКЛ, однако нет определенности, принадлежали эти шлемы воинам Великого Княжества, или их противникам. Речь идет о шлемах, найденных в Мстиславле на месте предполагаемой битвы 1502 года между войсками ВКЛ и Московского государства. Вероятность того, что они были утрачены воинами с востока Руси, представляется более чем высокой (Бохан, 2008b).³

Зато два типичных западноевропейских салада второй половины XV в., обнаруженные в Мстиславле на месте той же битвы, могут быть однозначно связаны с войском ВКЛ (Бохан, 1996). Особое внимание привлекает салад, найденный в 2013 г. И. А. Марзалюком. Он, по всей вероятности, являлся частью богатого защитного комплекта, в который входили, кроме всего прочего, кольчуга и кираса. И. А. Марзалюк любезно позволил мне провести осмотр данного комплекта. При этом выяснилось, что наспинник кирасы не совпадает с нагрудником ни по размерам, ни по стилю, ни хронологически. Нагрудник приближается к немецким образцам типа «кастенбруст», характерным для середины XV в. (Блэр, 2006, с. 97-99). На-

3 Известны шлемы “русского” типа и по материалам с территории Украины (Терський, 2006, с.182, рис.155: 1).

спинник же носит явные черты немецкого готического стиля, свойственного для доспехов конца XV в. Сам салат принадлежит к открытым шлемам со слегка обозначенным шишкоподобным «шпилем» вверху и имеет прикрепленный пластинчатый подвижный назатыльник. Аналоги таких шлемов известны по западноевропейской (южнонемецкой, французской и бургундской) иконографии второй половины XV в. (Bartlett, Embleton, 1988, p. 20). Таким образом, мы имеем дело с остатками, как минимум, двух, если не трех (с учетом шлема) доспехов разных периодов XV в.

Присутствуют среди вещевого материала свидетельства бытования на белорусских землях ВКЛ и более ранних наголовий западноевропейского типа – «бацинетов», чрезвычайно популярных в XIV–XV вв. Если не считать бацинета с забралом «хундсгутель», найденного южнее Киева и к территории Беларуси не имеющего прямого отношения, то, прежде всего, имеются в виду две кольчужные бармицы к бацинетам, хранящихся сейчас в музее Метрополитен в Нью-Йорке (*Face Defense of Mail*) (Рис. 7–8). До начала XX в. они находились в собраниях князей Радзивиллов в Несвиже и были пожертвованы музеем предпоследним владельцем Несвижа Альбрехтом Антонием Радзивиллом.

Говоря о собрании радзивилловского арсенала, нельзя обойти вниманием и пластину с зазубренными краями, найденную в Несвижском замке во время ликвидации последствий пожара 2002 г. Она, вероятно, принадлежала конскому доспеху, аналоги которого датируются концом XV века (Бохан, 2012, с.134-138).

О западноевропейском влиянии на характер вооружения войска ВКЛ свидетельствуют и образцы сохранившегося на сегодняшний день наступательного вооружения, в частности, клинкового оружия. Оно представлено, в частности, мечами типов XV, XVa, XVIa, XVII, XVIII, XVIIIb, XX, XXI. Большинство из них (но не все) найдены случайно и не имеют четкой привязки. Но, во-первых, они должны были попасть на земли ВКЛ не позднее того времени, когда они производились в краях Западной или Центральной Европы, откуда они, по всей вероятности, происходят. По крайней мере, некоторые экземпляры клинкового оружия имеют западноевропейские клейма. Вряд ли западные мастера специально для ВКЛ производили устаревшее оружие, давно снятое с производства. Во-вторых, мечи названных типов должны были быть завезены в ВКЛ не позже первой половины XVI в. В середине XVI в. мечи уже не являлись в Великом Княжестве престижным оружием. Ими вооружалась, преимущественно, плебейская пехота либо они вообще переделывались в другие виды оружия, например, сабли (Бохан, 2008а, с. 139-159). Закупать или производить дорогое и технологически

сложное оружие, чтобы тут же переделать его на сабли или отдать в пользование неприятельным простолюдинам вряд ли было бы целесообразным.

Свидетельством западноевропейских влияний на вооружение ВКЛ является бытование здесь кордов и тесаков. Вероятно, они проникли на земли Великого княжества через территорию Польши из Германии. На немецких землях корды были известны как «защитники домов», или «защитники крестьян» (*Hauswehr, Bauernwehr*), тесаки – как «большие ножи», или «длинные ножи» (*Grosse Messer, Lange Messer*). Точное появление тесаков в ВКЛ неизвестно, в то время как корды проникли сюда уже в XIV в. Так, например один из кордов найден в Вильнюсе в слое пожара и разрушений конца этого века. Известны также точно датированные находки кордов XV в. (Бугис, 2012; Svetikas, 2011, p. 14-15).

В то же время на территории Беларуси полностью отсутствуют находки сабель, типичных для XV и даже для первой половины XVI в. А, между тем, это одна из самых ярких признаков восточной ориентальной культуры. Первые четко датированы экземпляры сабель на белорусских землях – гусарские сабли второй половины XVI в.

Важным аргументом в пользу в значительной степени западного характера материальной части войска ВКЛ в конце XIV–XV в. может служить распространенность здесь арбалетов. К сожалению, любая статистика, основанная на находках арбалетных болтов, будет здесь недостоверной. В силу своей специфики, снаряды метательного оружия, найденные массово в населенных пунктах, тем более укрепленных, принадлежали скорее не их защитникам, а неприятелю, который эти населенные пункты массово обстреливал. С этой точки зрения, на западе ВКЛ арбалетных болтов будет найдено несравнимо больше, так как арбалеты чаще использовались крестоносцами, чем татарскими или русскими воинами. Исходя из этого может сложиться мнение, как представляется, не совсем верное, об ограниченном, региональном использовании арбалетов в державе Гедиминовичей. Однако если обратить внимание не на снаряды, но на детали арбалетных механизмов, то можно увидеть, что попадались они не только в Вильнюсе и Гродно, но и в Бресте и даже на крайнем востоке ВКЛ – в Мстиславле (Алексеев, 1995, с. 124, 165, рис.9: 1-2; Трусаў, Собаль, Здановіч, 1993, с. 72; Лысенко, 1985, с. 283; Rackevicius, 1999).

О широком использовании арбалетов не только против крестоносцев и поляков, но и против татар, свидетельствуют письменные источники. Так, использовались арбалеты в битве на Синих Водах 1363 г. и в битве на Ворскле 1399 г. При этом массовое использование арбалетов могло существенно влиять на ход битвы («и начаша Едегеа самострелы перемогати Литва...»,

как описывает кульминационный момент битвы под Ворсклой Тверская летопись). Упоминаются арбалеты как снаряжение отдельных воинов и в сеньориальных жалованных грамотах XV в. Еще в конце XV в. арбалеты массово рассылались государством по «украинным» замкам ВКЛ. Великий князь Александр в 1492 г. приказывал наместнику Красносельскому и ключнику Луцкому: «коли быхмо мели слати на замки нашы украинные пищали и самострелы и порох пушечный на кольку воз, на пяти або на шести, маюць они под нашы тые речи подводы з возы давати» (Strykowski, 1846, s.7; Turkowska, 1985, s.133, 189, 197; Przewdziecki, 1854, s.26, 49, 53, 64; Платонов, 2000, с.173; Цепков, 2000, с. 445; *Русская историческая*, 1910, К.513).

Арбалеты как стратегически важный вид вооружения рассматривался руководством ВКЛ уже в первой половине XIV в. Об этом свидетельствует письмо «короля» Гедимины немецким мещанам от 23 мая 1323 г. В этом письме Гедимин приглашал в свою державу различных ремесленников, среди которых фигурируют и балистарии, под которыми в данном случае следует понимать не арбалетчиков, но изготовителей арбалетов (Пашуто & Шталь, 1966, с. 36-43). Но даже если допустить, что в конце XIV–XV в. в Великом Княжестве Литовском четко доминировал лук, то это вряд ли может быть расценено как признак ориентального характера войска ВКЛ. В Европе лук был распространен практически повсеместно, а в Англии, например, даже стал символом национальной военной традиции эпохи средневековья.

Важным видом источников, свидетельствующих о бытовании в ВКЛ западных милитарных новинок, являются изобразительные источники. Применительно к концу XIV–XV в. это печати литовских князей (Strykowski 1846, s. 7; Turkowska, 1985, s. 133, 189, 197; Przewdziecki, 1854, s.26, 49, 53, 64; Платонов, 2000, с. 173; Цепков, 2000, с. 445; *Русская историческая*, 1910, К.513). Уникальность этих печатей не только в том, что на них изображены образцы западноевропейского вооружения. В таком случае можно было бы сослаться на то, что их производили западные мастера, не знакомые с реалиями ВКЛ. Однако это совсем не так. На печатях присутствует свойственная для этих земель геральдика, причем не только общегосударственная, но и отдельных князей. На некоторых изображениях отражены не только западноевропейские, но также «русские» (сфероконические шлемы со шпилем) и «литовские» (легкие копья-сулицы) элементы вооружения. Очевидно, что осведомленность в реалиях вооружения ВКЛ среди авторов упомянутых печатей была больше, чем можно было бы подумать. Более того, на одной из печатей, а именно на печати новгород-северского князя Дмитрия Корибута, имеется кириллическая надпись «печать князя кори-

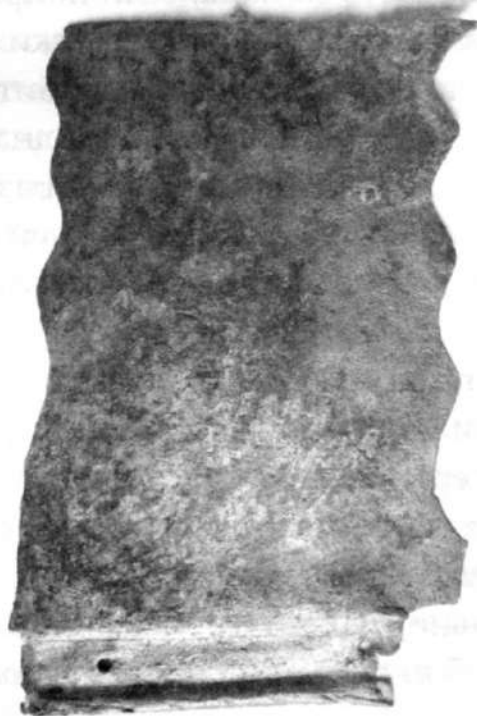

бу». Это, по нашему мнению, является прямым указанием на то, что в создании печати принимали участие не только западные мастера.

Кроме того, не надо забывать о символическом характере печатей. В условиях, когда не каждый человек эпохи средневековья умел читать, визуализация печатей должна была иметь огромное значение. Даже если не сразу удавалось соотнести печать с конкретным владельцем, ассоциации на уровне «свой» – «чужой» должна была присутствовать обязательно. Поэтому вряд ли на печатях ВКЛ мог быть помещен воин, который ассоциировался в сознании современников только с врагом-крестоносцем. Если допустить определенную вольность, то это как было на советской юбилейной медали в честь победы в Великой Отечественной войне поместить профиль солдата вермахта в характерном немецком «штальхельме». И если бы у литовских князей не хватало собственных мастеров, способных адекватно отразить типичного местного воина в традиционном восточноевропейском снаряжении, то они всегда могли бы пригласить таких мастеров из Твери, Москвы или Новгорода. Таким образом, можно утверждать, что на печатях отражено вооружение, несомненно применявшееся воинами ВКЛ, по крайней мере представителями политической элиты. Обеспечение их западными элементами вооружения за счет казны польского короля подтверждается и письменными источниками, о чем будет речь ниже.

Рис. 9. Изображение с печати новгород-северского князя Дмитрия Корибута 1386 г. (прорисовка).

Рис. 10. Пластина конского доспеха из Несвижского замка.

Что касается второй половины XV в., то здесь, несомненно, самым известным источником являются миниатюры Радзивилловской летописи. Большинство исследователей считают, что они были созданы в 80-90-е гг. XV в. на востоке государства, вероятно в Смоленске. При этом, как отмечают исследователи, художники-миниатюристы использовали более ранние оригиналы (Бохан, 2008а, с.69).⁴

Как уже писал автор этих строк, отраженное на миниатюрах летописи военное снаряжение можно объединить в три группы. Первая иллюстрирует экипировку западноевропейского происхождения. Во второй представлены детали вооружения, свойственные для земель Руси. Что касается милитариев третьей группы, то, с наибольшей долей вероятности, их отражение стало результатом влияния византийских художественных канонов. Вооружение третьей группы к местным реалиям не имеет никакого отношения. Оно показано художниками с наименьшим знанием дела и иногда настолько условно, что возникают сложности с их идентификацией (Бохан, 2008а, с. 16).

Так, например, пожалуй, самой типичной защитой туловища воинов, изображенных на миниатюрах летописи, является странная конструкция в виде горизонтальной полосы, от которой иногда в область горла отходит вертикальная полоса. Таким образом, образуется как бы перевернутая вверх ногами буква «Т». Из доспехов эпохи средневековья подобная конструкция может быть связана, если напярчь фантазию, только с некоторыми видами крытых западноевропейских пластинчатых доспехов («платов»), известных по раскопкам на месте битвы при Висби 1361 г. (Thordeman, Nørland, Inglemark, 2001, Pl. 85-132). Однако, с не меньшей долей вероятности, таким образом художник мог изобразить характерную для византийской традиции плечевую систему ремней (птериги, или птеруги, включавшие также «юбку» из свисающих ремней), которая сохранилась еще с римских времен. Можно было бы допустить, что это архаичная конструкция действительно применялась на восточных землях ВКЛ. Однако на миниатюрах Радзивилловской летописи она показана так фантастически неправильно (вертикальный ремень в направлении горла вместо лямок поверх плеч, юбка в виде квадратов, а не вертикальных полос, изображающих ремни), что можно уверенно утверждать: художники никогда не видели птериги в реальной жизни и срисовывали их, как понимали, с прежних оригиналов. В любом случае, с реалиями Восточной Руси XV в. этот «доспех» не имеет

---

4 См. также: AGAD. – DP. – nr. 4435, 4439, 4440, 4446, 4449, 7313.

ничего общего (как и некоторые другие «диговинки», например, колесный плуг, который также можно встретить на упомянутых миниатюрах). Не отражены на страницах Радзивилловской летописи архаичные ламеллярные доспехи, зеркала, бехтерцы и другие виды ориентальных доспехов.

Единственным несомненно «русским» элементом боевого снаряжения на миниатюрах летописи являются шлемы «русского» типа со шпилем. Чрезвычайно частое их отражение могло стать результатом копирования более ранних восточнославянских изображений, однако могло и соответствовать реальному положению вещей на восточной окраине ВКЛ, где влияние Востока явно ощущались сильнее. Между прочим, значительную популярность в ВКЛ открытых шлемов («шоломов») фиксируют в начале XVI в. и письменные источники.⁵ Однако на основании популярности только этого элемента говорить о ориентальном или архаичном характере вооружения ВКЛ в целом не приходится, тем более, что сфероконическое, заостренное кверху оформление шлемов различных типов (капалинов, саладов, шоломов) имело место в то время и в Западной Европе, как уже отмечалось выше.

Что касается типично западноевропейского снаряжения, то оно показано иллюстраторами Радзивилловской летописи схематично, но узнаваемо и с пониманием дела. Легко определяется не только тип вооружения этой группы, но и его датировка, которая в целом не выходит за рамки второй половины XV начала – XVI в. Западноевропейское оружие, отраженное на миниатюрах летописи, заслуживает наибольшего доверия и внимания исследователей, когда речь идет о достоверности представленных здесь реалий, так как его показ на миниатюрах не мог стать результатом влияния культурных традиций или копирования прежних оригиналов. Полный «цельнокованный» доспех фигурирует на миниатюрах летописи нечасто, однако везде видны щиты западноевропейских форм, мечи, фальшионы и тесаки. В то же время ориентальные сабли (если это действительно сабли, а не фальшионы определенных типов) встречаются здесь гораздо реже.

Отдельно следует остановиться на щитах, поскольку они, наряду со шлемами, являются, пожалуй, наиболее реалистично показанным здесь видом защитного вооружения. Наряду с круглыми щитами, характерными в равной мере как для востока, так и для запада Европы, на миниатюрах показаны павезы и сложнопрофилированные тарчи, часто с вырезом для копья, характерные для западноевропейской традиции. Нередки минда-

---

5 См. также: НИАРБ. – КМФ-18. – Воп. 1. – № 223. – А.161; КМФ-5. – Воп. 1. – № 2483. – А.10.

Рис. 11. Схематическое изображение боевой защиты корпуса на миниатюре Радзивилловской летописи.

левидные щиты. Это, казалось бы, должно указывать на присутствие восточноевропейской, «русской» традиции. Однако, миндалевидные щиты были известны в XV в. и в Западной Европе, тем более, что в ряде случаев, когда миндалеподобные щиты показаны на миниатюрах в три четверти, четко видна их сложнопрофилированная форма, такая же, как и у тарчей. Такая форма миндалевидных щитов (А. Кирпичников называл их «сердцевидными») характерна для западной традиции (Кирпичников, 1976, с. 43-45, рис.17; Zygulski, 1975, s. 206, il. na tabl. XIV.5; Чернова, 1960, миниатюры 10, 51, 60).

И, наконец, о значительных западных влияниях на вооружение ВКЛ свидетельствуют письменные источники. Известно, что начиная с конца XIV в. (после Кревской унии 1385 г.) шло массовое довооружение войска Великого Княжества, в основном за счет польских производственных центров. Практиковалось как обеспечение оружием, в основном защитными средствами, конкретных лиц, не исключая великого князя Витовта, так и высылка в ВКЛ крупных партий военного снаряжения. В отдельных случаях имела место практика изготовления специальных, ориентальных видов вооружения, в рамках удовлетворения специфических вкусов представителей элиты ВКЛ. Однако в большинстве случаев западные (польские) мастера производили такое же оружие, которое они привыкли делать для своих,

польских потребителей. Это отчетливо отразилось и в терминологии, которая фигурирует в реестрах высылаемой в ВКЛ амуниции (Przezdziecki, 1854, s.33-34, 51; *Rachunki dworu*, 1896, s. 159-166, 194-197; Szymczak, 1990, s. 241-242, 245-246; Swaryczewski, 198, s. 62). Массовая высылка вооружения из Польши в ВКЛ отмечалось (с тревогой и неудовольствием) крестоносцами Тевтонского ордена. Они жаловались на Констанцком соборе в 1416 г. на поставки поляков «литовцам, схизматикам и еретикам» военной амуниции, представленной практически всем спектром вооружения, применяемого в то время – доспехами, нагрудниками, шлемами, кольчугами, ручным огнестрельным оружием, бомбардами, мечами, арбалетами, машинами для штурма укреплений и т.д. (*Codex epistolaris*, 1882, s. 1027-1028).

Определенным источником довооружения воинов ВКЛ служили и тевтонские арсеналы. Иногда крестоносцы сами поставляли амуницию мятежным литовским князьям во время внутренних конфликтов в ВКЛ. Однако имело место и опустошение складов крестоносцев во время удачных для ВКЛ войн. Так, когда Витовт возвращался после примирения с Ягайло в

Рис. 12. Схематическое изображение боевой защиты корпуса на миниатюре Радзивилловской летописи.

1392 г. из Пруссии, то он имел с собой пушки и арбалеты (*bombardis, balistis*), не исключено, что захваченные у крестоносцев (Turkowska, 1985, s. 197).

То вооружение, которое попадало в ВКЛ с запада, не просто дополняло уже существующие боевые средства, растворяясь в «море» традиционно для местного люда вооружения. Как следует из письменных источников, этого «моря» попросту не было, так как литвины испытывали острый недостаток в любом боевом снаряжении. Хроника Литовская и Жемойтская дает следующее описание давнего войска ВКЛ: «без зброи и панцыров (бо еще они того не знали), тылко зубровые, лосие, медвеждии, вовчие невыправные скуры носили, а оружие – лук простой з дубины або лецины загненьй, супороток, камня торба на плечах певная для киданя з супоротка, рогатина, кий засмолований з конца, шабля ледво у гетмана была, мунштук з лык на коня, а на нем самом на войне место лямпарта рогожа на плечах, лыка и постронки за поясом для вязаня неволника» (*Хроники: Литовская и Жмойтская, 1975, с. 19*). Правда, это описание касается XIII в., однако, без сомнения, близкая ситуация имела место еще и в XIV в. Таким образом, западное вооружение, импортированное массово, должно было не просто вносить коррективы в характер вооружения ВКЛ, а и определять его. При этом, правда, какое-то время могли употребляться традиционные элементы, такие как «русские наплечники», упоминаемые как элемент вооружения, бытовавшего в ВКЛ, еще в первой половине XV в. (Lelewel, 1844, s. 409; Nowakowski, 1980, s. 92.). Однако количество упоминаний таких элементов в источниках XV в. ничтожно мало, единично, чтобы утверждать, что именно «русская» традиция обуславливала в это время характер вооружения на белорусских землях. В то же время дефицит дорогого защитного вооружения, часто импортного, обусловил тот факт, что оно очень редко попадает в археологических раскопок в культурном слое не только XIV–XV, но даже XVI и XVII вв. При этом никому не придет в голову отрицать популярность доспехов западных типов в войске ВКЛ времен последних Ягеллонов и Речи Посполитой.

Оценка литвинского войска XIV – начала XV в. как войска, слабо вооруженного, общеизвестна. Она присутствует практически во всех письменных источниках «латинских» авторов. Известный польский историк А.Надольский в одной из своих работ сделал попытку объяснить это тем, что войско ВКЛ было вооружено не то чтобы плохо, но иначе, чем западные армии, а именно на восточный, русский манер (Nadolski, 1990, s. 81–83). Правда, он не подкрепил свои слова фактами. Но если мы обратимся к авторитетнейшей польской хронике – «Истории» Яна Длугоша, то найдем там несколько иную информацию. Когда в 1390 г. Ягайло двинулся

Рис. 12-13. Изображение защиты корпуса на миниатюре из Свитка Иосифа Навина (Византия, X в.).

на владения мятежного Витовта, то к нему на помощь подошли силы из различных земель ВКЛ, в том числе отряд Новгород-Северского князя Корибута. По словам Длугоша, это был наиболее хорошо вооруженный отряд (Mecherzyński, 1868, s. 457). А ведь в него входили воины из русских земель, только незадолго до этого включенных в состав Великого Княжества Литовского. Таким образом, вооружение воинов Литвы с точки зрения западного человека, которым, несомненно, являлся информатор Длугоша, было еще в конце XIV в. хуже, чем вооружение «Руси».

О переменах, которые произошли в армии ВКЛ в начале XV в. в результате усилий польских производителей, прекрасно свидетельствует один из случаев накануне Грюнвальдской битвы 1410 г. Когда к магистру Тевтонского ордена прибыл посол венгерского короля Добеслав Скарачовски, который возвращался из польско-литовского лагеря, он отметил, что «войско Витовта не только многочисленное и мощное, но и хорошо вооруженное». Очевидно, что Скарачовски знал, о чем говорил, ведь Витовт в другое время, очевидно и с целью поразить послов, продемонстрировал силу своей армии, построив его, подобно западным рыцарским армиям, клиньями и поставив внутри каждого клина слабо вооруженных рыцарей на худших лошадях, которых окружали другие – на более сильных конях и отлично вооруженные. Вооружение лучших воинов Витовта, наверное, мало чем отличалась от тевтонского, так как во время Грюнвальдской битвы произошел курьезный случай, когда поляки перепутали крестоносцев с литви-

нами (Dlugosz, 1877, s. 19-20, 59). Тем не менее, Юнгинген не поверил словам Скарачовского и снисходительно заметил: «в армии Витовта больше можно найти людей с ложками, чем с оружием», а когда посол продолжал настаивать на своих словах, добавил: «лучше мы это знаем, чем ты, какое оно, и насколько велико, сколько имеет людей и лошадей, этому мы многим научены опытом» (Mecherzyński, 1869, s. 14-19). Очевидно, что опыт в данном случае подвел сурового воина, так как быстрота, с которой «ложки» в руках литвинов и русинов превратились в мечи, арбалеты и доспехи, была вскоре отлично продемонстрирована ими уже на поле боя.

Таким образом, на кардинальные изменения в плане материально-технической модернизации армии ВКЛ на переломе XIV и XV в. указывают все категории источников – археологические, изобразительные и письменные. Попытки проигнорировать эти источники, либо дать им «оригинальную» интерпретацию, которая должна лишить их репрезентативности, напоминает схоластические упражнения, интересные сами по себе, но очень далекие от реальности. Ведь дело не только в том, что эти источники существуют разрозненно, а в том, что они взаимодополняют друг друга, составляют, так сказать, единый комплекс. Для того, чтобы их опровергнуть нужно предложить «тяжелые» контраргументы – представить неоспоримые свидетельства четкого доминирования ориентальных видов вооружения, либо, по крайней мере, точно датированных XV в. образцов архаичных боевых средств, все еще употребляемых в это время. К сожалению, этого пока нет. Да и найдись свидетельства позднего употребления в ВКЛ устаревшего оружия, что бы это доказало? Примеры применения архаичного вооружения, особенно на периферии западноевропейской цивилизации, были в Европе скорее правилом, чем исключением. Достаточно вспомнить те же раскопки на месте битвы под Висби 1361 года, где также обнаружено не самое новое на то время вооружение. А ведь Висби это все же «латинская» Европа, а не «медвежий угол» на стыке Востока и Запада, которым являлось Великое Княжество Литовское до конца XIV в.

Естественно, что те перемены, которые происходили в войске ВКЛ на границе XIV–XV в., не вывели его в европейские лидеры по обеспеченности передовым военным снаряжением. Еще в XVI в. вооруженные силы Великого княжества считались хуже обеспеченными по сравнению не только с Германией, Италией или Францией, но и с соседней Польшей. Тем не менее, вектор, по которому развивалась военное дело в государстве Гедиминовичей, обозначился довольно четко. И даже повторная ориентализация XVI в., связанная с «сарматской» модой и ростом венгерско-турецких влияния, не смогла его кардинально изменить.

ИСТОЧНИКИ

- (n.d.). КМФ-5, оп. 1 «Материалы по истории Белоруссии. Архив Радзивиллов» (№ 2483, 223). НИАБ, Минск.
- (n.d.). КМФ-18 «Литовская метрика» (Оп. 1, № 223). НИАБ, Минск.
- (n.d.). AR (dz.XXVI, nr.2). AGAD, Warszawa.
- (n.d.). DP (nr. 4435, 4439, 4440, 4446, 4449, 7313). AGAD, Warszawa.
- Акты Брестского гродского суда* (1870). (Т. 3, Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею). Вильна.
- Пашуто, В. Т. & Шталь, И. В. (Ред.). (1966). *Gedimino laiškai = Послания Гедимина*. Вильнюс: Минтис.
- Платонов С. Ф. (Ред.) (2000). *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью* (Репр. изд.). (Т. 11, Полное собрание русских летописей).
- Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией* (1910). (Т. 27). Санкт-Петербург: Сенатская типография.
- Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного* (1975). (Репр. изд.). (Т. 32, Полное собрание русских летописей). Москва: Наука.
- Цепков, А. И. (Ред.). (2000). *Рогожский летописец. Тверская летопись*. (Т. 6, Русские летописи). Рязань: Узорочье.
- Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae, 1376-1430. Collectus opera Antonii Prochaska* (1882). (Vol. 6, Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia). Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum Cracoviensis.
- Długosz, J. (1877). *Opera Omnia cura Alexandri Przedziecki edita* (Vol. XIII). Cracoviae: Czas.
- Mecherzyński, K. (Tranl.). (1868). *Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście* (Vol. III). Kraków: W Drukarni «Czasu».
- Mecherzyński, K. (Tranl.). (1869). *Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście* (Vol. IV). Kraków: W Drukarni «Czasu».
- Przeździecki, A. (1854). *Życie domowe Jadwigi i Jagiełły z regestrów skarbowych z lat 1388-1417*. Warszawa: Z. Stebler.
- Rachunki dworu króla Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420* (1896). (Vol. 15, Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia). Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum Cracoviensis.
- Strykowski, M. (1846). *Kronika polska, litewska, zmódzka i wszystkiéj Rusi Macieja Strykowskiego*. Warszawa: Nakład Gustawa Leona Gliicksberga, Księgarza.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев, Л. В. (1995). Древний Мстиславль в свете археологии. В *Гістарычна-археалагічны зборнік* (Т. 6, с. 118-182). Мінск: Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.
- Блэр, К. (2006). *Рыцарские доспехи Европы. Универсальный обзор музейных коллекций*. (Е. Ламанова, Пер. с англ.). Москва: Центрполиграф.

- Бохан, Ю. (1996). Мсціслаўская салада і верагоднасць ужывання падобных шлемаў у Вялікім княстве Літоўскім. В *Гістарычна-археалагічны зборнік* (Т. 8, с. 33-39). Мінск: Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.
- Бохан, Ю. М. (2008a). *Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст.* Мінск.
- Бохан, Ю. Н. (2008b). Шеломы «русского» типа из Мстиславля. В *Военная археология: Сборник материалов при Государственном Историческом музее*. (Вып. 1, с. 124-128) Москва: Квадрига.
- Бохан, Ю. М. (2012). *Узбраенне насельніцтва беларускіх зямель у XIV—XVI стагоддзях.* Мінск.
- Бугис, П. (2008). Находка панцирных пластин на территории великокняжеского замка исторического Вильно. В *Военная археология: Сборник материалов при Государственном Историческом музее*. (Вып. 1, с. 118-123) Москва: Квадрига.
- Бугис, П. (2012). Корды из раскопок Вильнюсского замка. В *Каралеўскія і вялікакняжацкія замкі на тэрыторыі Рэчы Паспалітай. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. Гродна, 22 – 23 верасня 2011 года*. (Вып. 8, Краязнаўчыя запіскі, с. 86-93). Гродна.
- Виноградська, Л. І. (2006). Предметы озброення та обладунків XIV – XV ст. з розкопок замків на Побужжі. В *Вісник національного університету “Львівська політехніка”* (№ 571, Держава та армія, с.78-83). Львів: Львівська Політехніка.
- Инвентари имений XVI столетия*. (1887). (Т. 14, Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею). Вильна.
- Кацер, М. С. (1969). *Изобразительное искусство Белоруссии дооктябрьского периода*. Минск.
- Кирпичников, А. Н. (1976). *Военное дело на Руси в XIII—XV вв.* Ленинград: Наука.
- Кукушкина, М. В. (Ред.). (1994). Предисловие к изданию. В *Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр* (Т. 2, с. 8-10). Москва: Искусство.
- Лысенко, П. Ф. (1985). *Берестье*. Минск.
- Пивоваров, С. В. (2002). *Нумізматычны пам’яткі Буковини*. Чернівці.
- Рыбаков, Б. А. (1994). Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII веков. Предисловие к изданию. В *Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр* (Т. 2). Москва: Искусство.
- Терський, С. В. (2006). *Лучеськ X – XV ст.* Львів.
- Трусаў, А. А., Собаль, В. Е. & Здановіч, Н. І. (1993). *Стары замак у Гродне XI–XVIII ст.: Гісторыка-археалагічны нарыс*. Мінск.
- Фолкс, Ч. (2005). *Средневековые доспехи. Мастера оружейного дела*. (Т. Е. Любовская, Пер. с англ.). Москва: ЗАО Центрполиграф.
- Чернецов, А. (1989). *Радзивилловская летопись В Свитязь: Альманах библиофилов Белоруссии*. Минск.
- Чернова, Г. А. (1960). *Миниатюры Больших Французских Хроник*. Москва.
- Шматаў, В. Ф. (1984). *Беларуская кніжная гравюра XVI–XVIII ст.* Мінск.
- Bartlett, C., Embleton, G. (1988). The Medieval Footsoldier 1460-85: (3) Edged Weapons and Helmets. *Military Illustrated, Past and Present*, 11, 20.

- Blaževičius, P., & Bugys, P. (2013). Reikšmingas XIV a. pab. įtvarinių šarvų detalės radinys Vilniaus žemutinėje pilyje. *Lietuvos archeologija*, 38, 41-52.
- Face Defense of Mail [Digital photograph]. (n.d.). Retrieved January 28, 2016, from <http://www.metmuseum.org/collection/the-collection-online/search/34827>.
- Face Defense of Mail [Digital photograph]. (n.d.). Retrieved January 28, 2016, from <http://www.metmuseum.org/collection/the-collection-online/search/34828>.
- Lelewel, J. (1844). Gilbert de Lannoy, i jego podroze. In *Rozbiory dzieł obejmujecych albo dzieje, albo rzeczy polskie roznymi czasy*. Poznan.
- Nadolski, A. (1990). *Grunwald. Problemy wybrane*. Olsztyn.
- Nowakowski, A. (1980). *Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV i na początku XV w.* Łódź.
- Rackevicius, G. (1999). Arbaletu dirbtuves vilniuje (XIV a. II puse – XV a. I puse). *Lietuvos archeologija*, 18.
- Swaryczewski, A. (1987). *Płatnierze krakowscy*. Kraków.
- Szymczak, J. (1990). Organizacja produkcji i ceny uzbrojenia. In A. Nadolski (Red.), *Uzbrojenie w Polsce Średniowiecznej 1350-1450* (pp. 208-382). Łódź: PAN.
- Svetikas, E. (2011). *Žalgirio epochos lietuvių ir žemaičių karių kapai su ginklais*. Vilnius: „Diemedžio“ leidykla.
- Thordeman, B., Nørland, P., & Inglemark, B. E. (2001). *Armour from the Battle of Wisby, 1361* (2nd reprint ed.). Union City, CA: Chivalry Bookshelf.
- Turkowska, D. (Ed.). (1985). *Joannis Dlugossii, Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae, liber decimus. (1370–1405)*. Warsaw.
- Klimaviciene, A. (Ed.). (1989). *Vilniaus zemutines pilies rumai: 1988 metu tyrimai*. Vilnius: Lietuvos Mokslu akademijos Istorijos institutas.
- Zygulski, Zd. (1975). *Bron w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AGAD AR — Archiwum Główne Akt Dawnych, Archiwum Radziwiłłów.
- AGAD DP — Archiwum Główne Akt Dawnych Dokumenty Pergaminowe.
- АВАК — Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией.
- КМФ — Описание коллекции микрофильмов в Национальном историческом архиве Беларуси.
- НИАБ — Национальный исторический архив Беларуси.
- ПСРЛ — Полный свод русских летописей.
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией.

Про автора. *Бохан Юрий Микалаевич*, заведующий кафедрой экономической истории Белорусского государственного экономического университета, доктор исторических наук, доцент, Минск, Беларусь.

About Author. *Yury Bokhan*, Ph.D., Belarus State Economic University, Minsk, Belarus.